

ПЕТРУШКО Э. П.

Чеченские
ДОРОГИ

18+

Эдуард Петрушко
Чеченские дороги

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петрушко Э.

Чеченские дороги / Э. Петрушко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Автор - участник боевых действий в Чеченской Республике, награжден правительственными наградами. Сюжет основан на реальных событиях и посвящен напряженному эпизоду обмена заложников во второй компании.

Содержание

I	6
II	7
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Память... Она никак не дает угаснуть воспоминаниям о минувших днях и годах. Случается, она цепко держит в сознании мельчайшие подробности событий, по тем или иным причинам запавших в душу. Так уж устроен человек...

I

Зал траурных церемоний из-за обилия облицовочной плитки напоминал станцию метро. Хоронили Колю Шкохина из группы «А», весельчака и балагура, с которым бегали вместе по горам, пытаясь навести «конституционный порядок» в Чечне. Всего лишь неделю назад нас с Колей награждало руководство страны. На фуршете делились планами и были счастливы, как младенцы. На следующий день он улетел в Чечню, а я остался писать рапорты и отчеты. Через два дня их разведгруппа подорвалась на фугасе. Двое бойцов погибло на месте, сильный Коля боролся за жизнь несколько часов.

Сейчас Шкохин лежал в гробу, уверенный и сосредоточенный, как будто собирался сказать что-то важное. Из динамиков, замаскированных под венки, раздавалась грустная мелодия.

Да, Колян, не выпьем мы у тебя на даче водки в Мичуринске. Сошлись мы с ним на том, что он был родом из Мичуринска, откуда моя супруга. Болтали, обсуждали общих знакомых и планировали посиделки с шашлыками возле реки Воронеж. Не вышло...

Рядом стоял его близкий друг – Олег Семенов. Одет в серый костюм, в черной рубашке, с расстегнутым воротом. Его слегка неопрятный вид, вечно угрюмое лицо сразу говорили о том, что он холост и живет один. Именно он должен был идти в дозор вместо Коли, но схватил желудок. Судьба. Семенов достал носовой платок и убрал слезу с лица, побитого осколками.

День, и без того мрачный, нахмурился еще более, облачная занавесь задернула все небо, тяжело упали первые дождевые капли. Казалось, сама природа плакала...

II

Лететь на Кавказ не хотелось, это не пиво возле моря пить. Хотя море там есть – Каспийское. Точнее, не море, а большое озеро. Отчасти из-за него и заваруха в Чечне. Платят арабские страны наемникам немалые деньги, чтобы Россия нефть не качала на Каспии. Хотят они, хоть тресни, раскачать ситуацию на Кавказе и создать там исламское государство. Так сказать, недобросовестная конкуренция. Ничего личного – это бизнес.

Хочешь не хочешь, а лететь придется. Особо к нашим личным желаниям и настроениям никто не прислушивался. Нас – это опера из Службы по борьбе с терроризмом. Контракт подписан, если заартачишься, устав от командировок, могут отдать приказ, а дальше – увольнение.

Шла вторая чеченская кампания. Шамиль Басаев и Хаттаб резвились как лисы в курятнике, точнее, как волки в овечьем стаде. Положили «прибор» на так называемого президента Масхадова и Хасавюртовские соглашения, собрали несколько тысяч боевиков и решили устроить полномасштабную войну в Дагестане. 7 августа 1999 с территории Чечни было совершено массированное вторжение боевиков в Республику под общим командованием кровавого дуэта, щедро финансируемого арабскими шейхами.

В ответ наш «вечно пребывающий в хорошем настроении» президент подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». И опять – двадцать пять. Понеслось – взятие Грозного, зачистки, 200-ые и 300-ые. Прямо де жа вю. Только воевали пограмотнее, чем в 95-ом, да пацанов в бой не посылали.

К началу 2000 года боевики теряли контроль над большей частью территории республики и очень нервничали по этому поводу. Очень им хотелось прорваться через Аргунское ущелье и уйти в Грузию или Ингушетию. После взятия Грозного боевики рассыпались горохом по горам и лесам, попрятались в родовых селах. Почти всю равнину контролировали федералы. Но контроль был условный. Работы хватало всем войскам и службам, а тем более – кому сам бог велел – то есть нам.

Летим вдвоем с Димой Рыжковым, правильным офицером с аккуратной светлой прической и всегда ухоженными руками. Он старший. Совещание перед вылетом. Оперативных задач много: сбор информации, передача агентуры на связь, охота за лидерами банд формирований, пленные, обмены. Получаем данные о захваченных вертолетчиках, которые находятся то ли у Бараева, то ли у Гелаева.

– Арби Бараев, тейп мукалой, родился в 1973 году в бедной семье в селе Алхан-Кала неподалеку от Грозного. Родители умерли рано, есть четыре брата, сестра. После смерти отца его дядя устроил Бараева в ГАИ в звании старшины. Участвовал в обеих кампаниях. Дослужился до бригадного генерала, – бубнил перед вылетом полковник Никонов, крутя в аристократической бледной руке карандаш.

Все это мы и так знали – фигура Бараева была фактически одиозной. Псих и маньяк – сам убил и замучил сотни человек. Практически первое лицо по похищению заложников в Чечне. У него даже тюрьма своя была для заложников. Его хотели замочить все – и свои, и чужие.

– Какие данные о его местонахождении в настоящее время? – спрашивает Рыжков, делая вид, что внимательно записывает давно известные факты о полевом командире.

– Отсиживается в родовом селении Алхан-Кала с десятком приближенных. Возможно, кто-то из служб имеет с ним контакт, уж больно долго его никто не может прихлопнуть, – медленно говорит полковник и надолго задумывается. Через несколько минут встрепенулся,

как заснувший воробей, и продолжил, – ксивы у него разные, меняет внешность и транспорт. Никонов был сдержан в своих чувствах, говорил только по делу, без не шуток и отступлений.

– Живучий он, – говорю я, – и везучий. После расстрела в Грозном и почки у него нет, и селезенки, половину желудка и часть легкого удалили, а выжил. Прямо Терминатор! Бараева так иногда и называли – Терминатор.

– Да-да – никак эту собаку никто не припаркует. Ну о наших летчиках-вертолетчиках. Просил за них сильно сам глава ВВС. Так что поспешите! Решение Верховного суда об освобождении брата Бараева – Вахи, который находится в СИЗО Нальчика, получите завтра. И меняйте! Есть контакт с Бараевым через некоего прапорщика. Проверьте информацию. Понюхайте этого вояку, откуда он знает Бараева, – полковник снова впал в ступор, смотря на карту Чечни. Я знал, что в первую компанию здорово досталось полковнику, в голову прилетело. Хотели уволить, но пожалели.

– А что это за фрукт такой – прапорщик федеральных сил, который водится, если не с самим Бараевым, то с его окружением? – осторожно спрашивает Дима, выводя полковника из очередного ступора.

– Вот съездишь и узнаешь, – лаконично отвечает Никонов. – Если вертолетчики, у него плохо дело, – говорит он и опять замолкает, читая какую-то сводку.

Как Терминатор расправляется с заложниками, за которых не платят, мы хорошо знали. Четырем иностранцам-инженерам, похищенным в 1998 году, Бараев отрезал головы. Паршивое дело. Сами головы англичан собирали вдоль дороги.

III

Внуково, комната 3б, пьем чай с провожающими операми. Они провожают и встречают командировочных из Чечни. Информации у них много, интересуюсь, что говорили последние группы, прилетевшие недавно.

– Бараев сейчас в Алхан-Кале, – уверенно говорит высокий худой, как шомпол, Игорь. От него разит перегаром, работа у него такая – встречи, проводы. Он у себя раненый в селе лежит. Но его не взять. Все просматривается, везде свои люди. При подъезде техники – растворится как мышь в кислоте.

– Откуда инфа? – интересуюсь я, прихлебывая чай.

– Да, вчера трех встречал, – важничает Игорь и лезет в сейф за водкой. Сейф большой как шкаф. Со спины заглядываю внутрь. Из документов – две тонкие папки, несколько бутылок из дюти фри и пустые пыльные полки.

– Из какого управления? – спрашивает Дима Рыжков. Игорь наливает водку и молчит. Правильно. По приказам опера, сидящие в кабинете, не должны знать, что делает «сосед по парте», а тут такие некорректные вопросы.

– Будете? – интересуется Игорь, протирая стаканы. Рыжков пьет мало и по делу. Я бы вмазал, но неохота дышать на встречающих в Дагестане оперов свежей сивухой. Отказываемся.

– Ну как хотите, – говорит Игорь и ловко заглывает стакан. Крякнув, элегантно закусил кусочком сахара. Мне бы с вами. Охота делом настоящим заняться, – говорит он и наливает себе еще.

– Так переводись, что ты тут водку хлещешь? Наслушался, насмотрелся, это больше, чем в Академии отучиться, – вяло отвечаю и смотрю на взлетно-посадочную полосу. На ней стоят большие, как динозавры, самолеты, сверкая краской. Солнце необычно яркое для ранней весны, слепит глаза. Дима потянулся и зевнул:

– Ну что, Игорь, вези! – говорит он и поправляет пистолет. Игорь на служебной Ниве доставляет нас к трапу самолета и ведет в конец салона на последние места. Обнимаемся. Провожающий, уходя, неловко нас перекрестил.

– Во работа! – говорю, устроившись в кресле. – Есть одна опасность – спиться. Подъезжает автобус, начинается посадка основных пассажиров.

Через два с небольшим часа встречаются прямо на летной полосе темноволосые ребята из дагестанского управления и везут сразу в санаторий «Каспий». У нас в командировке никаких начальников, задачи получены, ответ только перед центром. Мне нравится этот момент в точечных выездах на Кавказ. Едем и болтаем с местными операми о шашлыках из осетрины и коньяке. Они лишних вопросов не задают, знают, что ничего не скажем. И помощи нам от них никакой не надо – в нашем распоряжении два десятка крепких ребят из подразделения «А», постоянно дислоцирующегося в Дагестане.

Располагаемся в больших просторных номерах. Очень прилично, здесь летом аншлаг – семьи, дети, любовницы – как курорт. Да он есть курорт, только через 100 километров, на границе с Чечней идет война. По коридорам ходят редкие отдыхающие – не сезон.

Выхожу на балкон, смотрю на море. Оно мутное и беспокойное, будто волнуется за свой неопрятный вид. Чайки закладывают пируэты на сильном ветре и неприятно галдят.

– Пойду искупаюсь, – говорю Диме и переодеваюсь в спортивный костюм.

– Не околеешь? – спрашивает Рыжков, пряча автомат под кровать.

– Нет, всю зиму моржую, – и выхожу в коридор. Действительно, раз в неделю бегаю к озеру у себя в митинском лесу. Там большая прорубь, где регулярно собираются моржи. Забавная публика – от детей до пенсионеров. Своя жизнь, своя философия.

Подход к воде каменистый и скользкий. Как здесь народ летом купается? Шумные волны неприятливо отбрасывают назад. Чайки кружат и верезжат как резаные, как будто лезу в их сад черешню воровать. Оттолкнулся от большого скользкого камня и поплыл. Ледяная вода приятно обожгла тело.

Вечером на нашей «Волге», на которой будем месить дороги Чечни, едем в местное кафе. За рулем Дима, я не мастер водить механику. Знакомая официантка-дагестанка радуется нам, как дальним родственникам. Зовут ее Алена, по крайней мере, мы ее так называем – крашенная блондинка с золотыми зубами, выглядит нелепо, как танк в цирке. Алена искренне-доброжелательная. Понимает, что мы здесь делаем. После вторжения боевиков в Республику дагестанцы настроенно относятся к чеченцам и любят федералов.

– Вам, как всегда, порцию баранины и осетрины? – спрашивает Алена, сверкая зубами и разглаживая невидимые складки на фартуке.

– Да, и 250 Кизлярского, пять звезд, – скромно добавляю я, располагаясь на деревянной лавке. Кафе простенькое, придорожное, бомжеватого вида, но кухня изумительная. Цены на еду смешные, осетрина от браконьеров, бараны с гор. Все свежее и вкусное. Молча ужинаем, Рыжков не пьет, я же под такую закуску беру себе еще 100 коньяка. Дима замечает:

– Завтра рано вставать, – и аккуратно складывает бараньи косточки в тарелку. Заказываем чай.

IV

Утро. Темно-акварельное небо постепенно светлело, наливаясь нежным стыдливым румянцем, а нам ехать на войну. Не в окопы, конечно, а так – шарить вдвоем по Республике Чечня. Но тоже на айс – и свои и чужие могут шмальнуть. Особенно боимся пьяных наших. Во второй войне на блокпостах стоят контрактники, не мальчишки, которые в 1995-96 гг. Грозный брали. Те вообще безбашенные были. Напьется детвора дешевого спирта – море по колено – палат вокруг. Сейчас повзрослей парни, но тоже могут пригубить, тогда им по фигу – из ГРУ ты или ЦРУ.

Пересекаем усиленный блокпост между Дагестаном и Чечней. Длинная очередь из машин. В основном пожилые мужики и женщины с детьми. Котомки, у кого куры в салоне, у кого грудные младенцы. По обе стороны административных границ – родственники. Вот и ездит народ туда-обратно, а ОМОНовцы их трясут как сито.

Объезжаем длинную очередь. Вояка, проверяющий документы, недовольно глянул в нашу сторону. Оно и понятно: мы в камуфляже, без знаков различия, повесили себе черные номера на «Волгу» и прем под самый шлагбаум. Ну и что, что номера военные, их любой может повесить. Цена номера в Чечне – 1 тысяча рублей. Дима выходит, показывают пропуск, ОМОНовцы быстро поднимают шлагбаум.

Прем по Самашкинскому лесу, вроде территория наша, но притопили. Хотя как притопили – везде ямы от вертолетных ракет, просто побыстрее начали их объезжать. Вертолетчики – милейшие ребята. Могут увидеть одинокую «Волгу» и зайти на боевой. В основном шутят. Но нам не до шуток и стреляем определенного цвета ракетой вверх – обозначаемся, что свои.

Впереди силуэт – кто-то стоит у дороги. Что-то сжалось в груди. Смотрю на незнакомца, взяв автомат в руки. Человек одет в черные лохмотья, голову покрывал старый платок. Женская или мужская эта фигура – разобрать невозможно. Снимаю автомат с предохранителя. Обошлось – проезжаем мимо. Выдохнув воздух, спрашиваю у Димы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.